мы не видимъ того городового, который съ заряженнымъ револьверомъ ходитъ передъ окнами, защищая насъ въ то время, какъ мы ѣдимъ свой вкусный обѣдъ или смотримъ новую пьесу, и про тѣхъ солдатъ, которые сейчасъ же выѣдутъ съ ружьями и боевыми патронами туда, гдѣ будетъ нарушена наша собственность.

Вѣдь, мы знаемъ, что если мы доѣдимъ свой обѣдъ и досмотримъ новую пьесу, и довеселимся на балѣ, на елкѣ, на катаньѣ, скачкѣ или охотѣ, то только благодаря пулѣ въ револьверѣ городового и въ ружьѣ солдата, которая пробьетъ голодное брюхо того обдѣленнаго, который изъ-за угла, облизываясь, глядитъ на наши удовольствія и тотчасъ же нарушитъ ихъ, какъ только уйдетъ городовой съ револьверомъ или не будетъ солдата въ казармахъ, готоваго явиться по нашему первому зову.

И потому, какъ человѣку, пойманному среди бѣла дня въ грабежѣ, никакъ нельзя увѣрять всѣхъ, что онъ замахнулся на грабимаго имъ человѣка не затѣмъ, чтобы отнять у него его кошелекъ, и не угрожалъ зарѣзать его, такъ и намъ, казалось бы, нельзя уже увѣрять себя и другихъ, что солдаты и городовые съ револьверами находятся около насъ совсѣмъ не для того, чтобы оберегать насъ, а для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, для порядка, для украшенія, развлеченія и парадовъ, и что мы и не знали того, что люди не любятъ умирать отъ голода, не имѣя права вырабатывать себѣ пропитаніе изъ земли, на которой они живутъ, не любятъ работать подъ землей, въ водѣ, въ пеклѣ, по 10—14 часовъ въ сутки, и по ночамъ, на разныхъ фабрикахъ и заводахъ для изготовленія предметовъ нашихъ удовольствій. Казалось бы невозможно отрицать того, что такъ очевидно. А между тѣмъ это то самое и дѣлается.

И хотя и есть среди богатыхъ живые люди, какихъ я къ счастью встрѣчаю все чаще и чаще, особенно изъ молодыхъ и женщинъ, которые при напоминаніи о томъ, какъ и чѣмъ покупаются ихъ удовольствія, не стараясь скрыть истину, схватываются за голову и говорятъ: «Ахъ, не говорите объ этомъ. Вѣдь, если такъ, то жить нельзя»; хотя и есть такіе искренніе люди, которые, хотя и не могутъ избавиться отъ него, видятъ свой грѣхъ, огромное большинство людей нашего времени такъ вошло въ свою роль лицемѣрія, что ужъ смѣло отрицаетъ то, что рѣжетъ глаза всякому зрячему.

«Все это несправедливо», говорятъ они: «никто не принуждаетъ народъ работать у землевладѣльцевъ и на фабрикахъ. Это дѣло свободнаго договора. Крупная собственность и капиталы необходимы, потому что организуютъ работу и даютъ ее рабочему классу. Работы же на фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ не такъ ужасны, какъ вы ихъ представляете. И если есть нѣкоторыя злоупотребленія на фабрикахъ, то правительство и общество принимаютъ мѣры къ тому, чтобы устранить ихъ и сдѣлать трудъ рабочихъ еще болѣе легкимъ и даже пріятнымъ. Рабочій народъ привыкъ къ физическимъ работамъ и пока ни на что другое не способенъ. Бѣдность же народа происходитъ совсѣмъ не отъ землевладѣнія, не отъ угнетенія капиталистовъ, а отъ другихъ причинъ: она происходитъ отъ необразованія, грубости, пьянства народа. И мы, правительственные люди, противодѣйствующіе этому обѣдненію мудрымъ управленіемъ, и мы, капиталисты, противодѣйствующіе этому распространеніемъ полезныхъ изобрѣтеній, мы, духовенство,—религіознымъ обученіемъ, а мы, либералы — устройствомъ союзовъ рабочихъ, увеличеніемъ и распространеніемъ образованія, этимъ путемъ, не измѣняя своего положенія, увеличиваемъ благосостояніе народа. Мы не хотимъ, чтобы всѣ были бѣдны, какъ бѣдные, а хотимъ, чтобы всѣ были богаты, какъ богатые. То же, что людей будто бы истязаютъ и убиваютъ для того, чтобы заставить ихъ работать на богатыхъ, есть софизмъ; войска посылаются противъ народа только тогда, когда народъ, не понимая своей выгоды, бунтуетъ и нарушаетъ спокойствіе, нужное для всеобщаго блага. Такъ же необходимо и обузданіе злодѣевъ, для которыхъ устроены тюрьмы, висѣлицы, каторги. Мы сами бы желали упразднить ихъ и работаемъ въ этомъ направленіи».

Лицемѣріе въ наше время, поддерживаемое съ двухъ сторонъ: *quasi*-религіей и *quasi*-наукой, дошло до такихъ размѣровъ, что если бы мы не жили среди него, то нельзя бы было повѣрить, что люди могутъ дойти до такой степени самообмана. Люди дошли въ наше время до того удивительнаго положенія, что такъ огрубѣло сердце ихъ, что они глядятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ и не разумѣютъ.

Люди уже давно живутъ жизнью противной ихъ сознанію. Если бы не было лицемѣрія, они не могли бы жить этой жизнью. Этотъ противный ихъ сознанію строй жизни продолжается только потому, что онъ прикрытъ лицемѣріемъ.

И чѣмъ больше увеличивается разстояніе между дѣйствительностью и сознаніемъ людей, тѣмъ больше растягивается и лицемѣріе. Но и лицемѣрію есть предѣлы. И мнѣ кажется, что мы въ наше время дошли до этого предѣла.

Каждый человѣкъ нашего времени съ невольно усвоеннымъ имъ христіанскимъ сознаніемъ находится въ положеніи совершенно подобномъ положенію спящаго человѣка, который видитъ во снѣ, что онъ долженъ дѣлать то, чего, какъ онъ знаетъ это и во снѣ, онъ не долженъ дѣлать. Онъ